

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
21 January 2022
Russian
Original: English

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 890/2018* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Люсией Чернаковой (представлена адвокатом Марошем Матиашко, Форум за права человека и фонд «Валидность»)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявительница
<i>Государство-участник:</i>	Словакия
<i>Дата сообщения:</i>	10 июля 2018 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 115 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 10 декабря 2018 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	19 ноября 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	удерживание в койке-клетки в учреждении для социального обеспечения
<i>Процедурные вопросы:</i>	Приемлемость — исчерпание внутренних средств правовой защиты; степень обоснованности утверждений
<i>Вопросы существа:</i>	пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания; непроведение расследования
<i>Статьи Конвенции:</i>	1, 2 (пункт 1), 4 (пункт 1), 11, 12, 14 (пункт 1) и 16 (пункт 1)

1.1 Сообщение представлено адвокатом от имени Люсии Чернаковой, гражданки Словакии, родившейся 6 июля 1983 года. Заявительница утверждает, что государство-участник нарушило ее права, предусмотренные статьями 1, 2 (пункт 1), 4 (пункт 1), 11, 12, 14 (пункт 1) и 16 (пункт 1) Конвенции. Словакия сделала заявление в соответствии

* Принято Комитетом на его семьдесят второй сессии (8 ноября — 3 декабря 2021 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Клауд Эльер Роуассант, Эрдоган Ишджан, Хуавэнь Лю, Илвия Пуце, Ана Раку, Дьего Родригес-Пинсон, Себастьян Тузе, Бахтияр Тузмухамедов и Петер Ведель Кессинг.

со статьей 22 (пункт 1) Конвенции, вступившее в силу 17 марта 1995 года. Заявительница представлена адвокатом¹.

1.2 После того как государство-участник выразило возражение против приемлемости настоящей жалобы, Комитет 13 мая 2019 года постановил рассмотреть приемлемость сообщения вместе с его существом.

Факты в изложении заявительницы

2.1 Заявительницей является женщина с интеллектуальной инвалидностью и расстройством аутистического спектра. Заявительница была лишена 29 января 2002 года дееспособности окружным судом Нитры и ее мать была назначена ее законным опекуном. Поскольку мать заявительницы не получала достаточной поддержки для удовлетворения потребностей заявительницы на дому, 3 июля 2006 года заявительница была помещена в учреждение для социального обеспечения в Мане. В настоящее время заявительница проживает в учреждении для социального обеспечения в Топольчанах.

2.2 Когда заявительница была помещена в учреждение для социального обеспечения в Мане, которое в то время было интернатом для женщин с интеллектуальной и психосоциальной инвалидностью, мать заявительницы сообщила персоналу о моделях поведения своей дочери и о трудностях, которые она испытывала при адаптации к коллективной жизни в регулируемом учреждении. Как человек с интеллектуальной инвалидностью и расстройством аутистического спектра заявительница имела особые потребности в уходе. В ходе внутреннего разбирательства мать заявительницы представила доказательства, свидетельствующие о том, что эти потребности не были удовлетворены учреждением и, как следствие, привели 9 июля 2006 года к инциденту, в результате которого заявительница была помещена в койку-клеть².

2.3 На основании жалобы, поданной матерью заявительницы, Региональное управление Нитры, надзорный орган учреждения для социального обеспечения в Мане, провело расследование и установило, что заявительница в течение нескольких дней выкрикивала оскорбления, находилась в возбужденном состоянии и в какой-то момент бросила стул в другого постояльца. Управление отметило, что заявительнице требовалось индивидуальное внимание со стороны конкретной сотрудницы, которая целый день гуляла с ней. Заявительнице против ее воли вводили успокоительные препараты, она посещала психиатра, который корректировал ее лечение. Незадолго до 9 июля 2006 года психиатр отменил разрешение на временный выезд заявительницы домой. Заявительница стала 9 июля вести себя более агрессивно, и несколько медсестер физически умирили ее и поместили в одиночную койку-клеть. Кроме того, к заявительнице были принудительно применены химические средства усмирения в виде повторяющихся доз седативных препаратов. Использование койки-клетки было подтверждено в отчете управления, в котором оно отметило, что, хотя помещение заявительницы в койку-клеть было зарегистрировано, продолжительность времени, в течение которого она находилась в ней, зарегистрировано не было.

2.4 В ходе внутригосударственного разбирательства власти государства-участника не стали оспаривать, что заявительница была насильно помещена в койку-клеть утром 9 июля 2006 года и находилась там против своей воли в течение нескольких часов. Заявительница отмечает, что в соответствии со статьей 18 а) Закона о социальной помощи недопустимо применять физические или нефизические средства усмирения в отношении лиц с интеллектуальной и психосоциальной инвалидностью, помещенных в учреждения для социального обеспечения. Однако после этого инцидента власти не приняли никаких мер по исправлению ситуации. Заявительнице не было предложено никакой терапии или компенсации, а уголовное преследование не проводилось.

¹ Доверенность была предоставлена матерью заявительницы. Первоначального адвоката заявительницы заменил Форум по правам человека и фонд «Валидность».

² Заявительница использует термины «койка-клеть с сеткой» или «койка-клеть», в то время как государство-участник использует термин «койка-сетка».

2.5 Учреждение для социального обеспечения в Мане приняло 18 июля 2006 года решение прекратить содержание заявительницы в специализированном учреждении по просьбе ее матери. Мать заявительницы подала 24 июля 2006 года жалобу на это учреждение в связи с использованием койки-клетки и предполагаемым жестоким обращением с ее дочерью в учреждении. Региональное управление Нитры 17 августа 2006 года пришло к выводу, что учреждение нарушило статью 18 а) Закона о социальной помощи. Однако Управление не проинформировало полицию о своих выводах, и дальнейшее расследование не проводилось.

2.6 Мать заявительницы подала 5 сентября 2016 года заявление о возбуждении уголовного дела, в котором утверждалось, что помещение заявительницы в койку-клетку 9 июля 2006 года явилось нарушением предусмотренного Уголовным кодексом абсолютного запрещения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Окружное управление полиции отклонило 19 октября 2016 года заявление о возбуждении уголовного дела, и его решение было поддержано 20 января 2017 года окружным прокурором города Нове-Замки. Мать заявительницы подала 20 марта 2017 года в Конституционный суд жалобу, которая была отклонена 4 апреля 2017 года. Суд пришел к выводу, что учреждение для социального обеспечения в Мане является частной организацией и что поэтому один из элементов определения пытки или другого жестокого обращения не соблюден. Кроме того, Суд установил, что элементы определения жестокого обращения также не соблюдены, поскольку отсутствует *mens rea* (умысел). Суд отметил, что заявительница могла добиваться возмещения ущерба посредством подачи гражданского иска в соответствии с Гражданским кодексом.

2.7 Вред, понесенный заявительницей, является следствием намеренного использования койки-клетки в учреждении для социального обеспечения в Мане. Речь не идет о медицинской халатности, когда вред является непреднамеренным негативным последствием лечения. Заявительница утверждает, что ее жалобу следует рассматривать по аналогии с делами о применении мер принуждения к лицам, содержащимся под стражей. Государство-участник должно нести прямую ответственность за применение средств усмирения³. Использование койки-клетки не было медицинским лечением или обращением, от которого она могла отказаться. Кроме того, власти были обязаны провести тщательное и эффективное расследование, которое привело бы к выявлению и наказанию виновных, а также предоставить ей адекватную компенсацию. Она утверждает, что умышленное жестокое обращение с лицами, находящимися под контролем государственных должностных лиц, не может быть исправлено исключительно путем присуждения компенсации жертве такого обращения⁴.

2.8 Заявительница заключает, что она исчерпала все имеющиеся внутренние средства правовой защиты, которые были эффективными, добавляя, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

Жалоба

3.1 Заявительница утверждает, что в результате помещения в койку-клетку она подверглась форме насилия, которая может рассматриваться как пытка или другое жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Использование коек-клетей в учреждениях для социального обеспечения и медико-санитарных учреждениях непропорционально и дискриминационно применяется по отношению к лицам с интеллектуальной и психосоциальной инвалидностью и к женщинам.

3.2 Помещение в койку-клетку причинило ей сильную боль и страдания, включая эмоциональные и психологические переживания, в нарушение ее права на здоровье.

³ European Court of Human Rights, *Bureš v. the Czech Republic* (application No. 37679/08), judgment of 18 October 2012, paras. 79 and 81.

⁴ European Court of Human Rights, *Krastanov v. Bulgaria* (application No. 50222/99), judgment of 30 September 2004, para. 60; and *Kopylov v. Russia* (application No. 3933/04), judgment of 29 July 2010, para. 130.

Такое обращение было инициировано должностными лицами государственного учреждения; сотрудники учреждения для социального обеспечения в Мане оказывали социальную помощь и медико-социальную помощь от имени государства, и они осуществляли полный и эффективный контроль над заявительницей. В этом контексте заявительница утверждает, что она была лишена свободы на основании административного решения. Ее поместили в койку-клеть намеренно, с целью наказать или запугать ее. Такое обращение равносильно нарушению ее прав, предусмотренных статьями 1 (пункт 1) и 16 (пункт 1) Конвенции.

3.3 Заявительница утверждает, что государство-участник обязано в соответствии со статьей 2 (пункт 1) Конвенции предпринимать эффективные законодательные, административные, судебные или другие меры для предупреждения актов пыток и жестокого обращения на любой территории под его юрисдикцией.

3.4 Права заявительницы по статье 4 (пункт 1) Конвенции также были нарушены, учитывая, что в уголовном законодательстве государства-участника не содержится соответствующих положений, криминализирующих жестокое обращение, равносильное пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания, или обеспечивающих эффективное расследование жалоб и судебное преследование и наказание, в соответствующих случаях, лиц, виновных в пытках и жестоком обращении. Определение преступления по статье 420 Уголовного кодекса отождествляет пытки и жестокое обращение, и в нем не определены элементы пыток. Кроме того, в нем не проводится различие между актами пыток и жестоким обращением по признаку *mens rea*. Следовательно, умысел требуется даже в случаях унижающего достоинство обращения, что существенно ограничивает применимость уголовного положения на практике. Это препятствует проведению эффективного уголовного расследования и приводит к фактической безнаказанности за акты пыток или жестокого обращения, в том числе в отношении заявительницы, как женщины с инвалидностью, помещенной в специализированное учреждение.

3.5 Заявительница утверждает, что государство-участник нарушило статью 11 Конвенции, учитывая, что оно обязано создать эффективную и независимую систему контроля за рассмотрением жалоб на пытки или жестокое обращение и внешних и гражданских инспекций, включая механизмы мониторинга и предупреждения, для защиты людей с инвалидностью, помещенных в учреждения, от любых актов жестокого обращения.

3.6 Власти не возбудили уголовное расследование по факту использования средств удерживания по отношению к заявительнице 9 июля 2006 года, не привлекли виновных к суду и не применили соответствующие уголовные санкции, как того требует статья 12 Конвенции⁵.

3.7 Кроме того, заявительнице не было предоставлено адекватное, эффективное или быстрое возмещение ущерба в нарушение ее прав по статье 14 (пункт 1) Конвенции⁶. Она не получила никакой компенсации за физический и моральный ущерб, ей не была предложена или предоставлена какая-либо реабилитация или компенсация, а власти не предприняли никаких шагов для предотвращения использования коек-клетей в будущем в отношении нее в частности или женщин с интеллектуальной и психосоциальной инвалидностью в целом.

3.8 Она добавляет, что использование в медико-санитарных учреждениях и учреждениях для социального обеспечения химических, физических или механических средств усмирения, приводящее к пыткам и другим видам жестокого обращения с женщинами с инвалидностью и нарушающее ряд их прав, часто мотивируется стереотипами в отношении лиц с инвалидностью и неправомерно обосновывается теориями недееспособности и терапевтической необходимости⁷.

⁵ Комитет против пыток, замечание общего порядка № 3 (2012) об имплементации статьи 14, п. 34.

⁶ Там же, п. 5.

⁷ [A/HRC/22/53](#), п. 64.

Государство-участник не ввело адекватных гарантий для защиты женщин с инвалидностью в учреждениях для социального обеспечения и медико-санитарных учреждениях от злоупотреблений. Заявительница добавляет, что использование коек-клетей все еще является законным в таких медико-санитарных учреждениях и что не были приняты общие стандарты, касающиеся качества ухода.

3.9 Заявительница просит государство-участник, в частности, предоставить ей соответствующее возмещение и компенсацию, провести беспристрастное расследование по факту применения к ней средств удерживания и лишения ее защиты и запретить использование коек-клетей и коек-сеток в медико-санитарных учреждениях и учреждениях для социального обеспечения.

Замечания государства-участника относительно приемлемости

4.1 В представлении от 5 февраля 2019 года государство-участник просило рассмотреть вопрос о приемлемости сообщения отдельно от существа дела, утверждая, что сообщение следует считать неприемлемым в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты.

4.2 Заявительница не исчерпала все имеющиеся внутренние средства правовой защиты, поскольку она не обратилась в суд в связи с нарушением прав личности в соответствии с Конституцией и Гражданским кодексом, а ограничилась подачей административной жалобы. Учитывая доступность юридической помощи по гражданским делам и характер гражданского судопроизводства, обращение в суд представляет собой доступное и эффективное средство правовой защиты. Европейский суд по правам человека счел гражданские иски эффективным средством правовой защиты в отношении предполагаемых нарушений права на жизнь, неприкосновенность частной жизни и жестокое обращение⁸. Региональное управление Нитры установило, что учреждение для социального обеспечения в Мане нарушило свои обязательства по статье 18 а) Закона о социальной помощи в отношении заявительницы. В свете этого заключения государство-участник утверждает, что заявительница добилась бы успеха, если бы подала гражданский иск, отмечая, что в гражданском процессе ответственность носит объективный характер, т. е. заявительница должна была лишь доказать факт вмешательства в личные права и наличие ущерба, без необходимости доказывать умысел или небрежность. Гражданское разбирательство предоставило бы заявительнице больше шансов на успех, чем уголовное разбирательство.

4.3 Что касается уголовного судопроизводства, то пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения признаны уголовно наказуемыми согласно статье 420 (пункт 1) Уголовного кодекса. Государство-участник утверждает, что его национальное законодательство полностью соответствует Конвенции. Однако заявительница подала заявление о возбуждении уголовного дела спустя 10 лет после инцидента с ее помещением в койку-клеть, на основании уголовного положения против пыток и жестокого обращения, в отношении которого срок давности не применяется.

Комментарии заявительницы к замечаниям государства-участника относительно приемлемости

5.1 В представлении от 11 марта 2019 года заявительница отметила, что ее жалобу следует считать приемлемой, и призналась, что поняла утверждение государства-участника о том, что гражданский иск о нарушении ее прав будет удовлетворен.

5.2 Однако она возражает против утверждения государства-участника о том, что в данном деле не были исчерпаны все имеющиеся эффективные средства правовой защиты, даже если бы она добивалась возмещения путем подачи гражданского иска.

⁸ European Court of Human Rights, *Furdík v. Slovakia* (application No. 42994/05), decision of 2 December 2008; *V.C. v. Slovakia* (application No. 18968/07), judgment of 8 November 2011; *N.B. v. Slovakia* (application No. 29518/07), judgment of 12 June 2012; and *Baláz and others v. Slovakia* (application No. 9210/02), decision of 28 November 2006.

Государство-участник неверно истолковывает характер предполагаемых нарушений и роль гражданского судопроизводства в обеспечении возмещения за пытки и жестокое обращение. Она утверждает, что использование механических средств усмирения в ее особо уязвимом положении требует тщательного и эффективного расследования, которое могло бы привести к выявлению и наказанию виновных. Гражданское судопроизводство не предоставило бы ей адекватного и эффективного средства правовой защиты за нарушения, от которых она пострадала, из-за ряда препятствий, присущих гражданскому судопроизводству.

5.3 Мать заявительницы подала 24 июля 2006 года административную жалобу в Региональное управление Нитры, которое как надзорный орган 17 августа 2006 года пришло к выводу, что учреждение для социального обеспечения в Мане нарушило статью 18 а) Закона о социальной помощи⁹. Хотя государство-участник должно было начать уголовное расследование по собственной инициативе, Управление не сообщило полиции о своих выводах, дальнейшее расследование не проводилось и заявительнице не было предложено или предоставлено никакого возмещения.

5.4 Мать заявительницы подала 5 сентября 2016 года заявление о возбуждении уголовного дела, заявив, что помещение заявительницы в койку-клеть 9 июля 2006 года нарушило положение уголовного законодательства об абсолютном запрещении пыток или других видов жестокого обращения, и потребовал эффективного расследования инцидента и предоставления доступного возмещения. Это заявление было отклонено 19 октября 2016 года. Мать заявительницы подала 20 марта 2017 года жалобу в Конституционный суд, которая была отклонена Судом 4 апреля 2017 года. Заявительница отмечает, что внутреннее законодательство соответствует Конвенции в той мере, в какой оно требует, чтобы для квалификации преступления пытки исполнителем было государственное должностное лицо. Однако оно выходит за рамки Конвенции в той мере, в какой оно требует, чтобы для квалификации жестокого обращения исполнителем было государственное должностное лицо. По мнению заявительницы, Суд допустил юридическую и фактическую ошибку, установив, что учреждение для социального обеспечения в Мане является частной организацией. На этом основании он постановил, что ни одно из преступлений не может быть установлено в соответствии с национальным законодательством. Кроме того, Суд постановил, что элементы менее тяжкого преступления — жестокого обращения — также не были установлены по причине отсутствия необходимого *mens rea*.

5.5 Заявительница утверждает, что случаи медицинской халатности отличаются от обстоятельств ее дела, в котором речь идет о незаконном и преднамеренном применении средств усмирения без какого-либо медицинского обоснования. Она утверждает, что стандартом для исчерпания внутренних средств правовой защиты в ее случае должен быть стандарт, который был применен Европейским судом по правам человека в деле *Буреш против Чешской Республики*¹⁰. В этом деле Суд оценил ситуацию заявителя, который был привязан к койке в центре детоксикации, без какого-либо медицинского обоснования применения средств усмирения. Суд указал, что в тех случаях, когда человек подает небезосновательную жалобу по статье 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека), понятие эффективного средства правовой защиты требует от государства проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к выявлению и наказанию виновных. Другими словами, умышленное жестокое обращение с лицами, которые находились под контролем представителей государства, не может быть устранено исключительно путем присуждения компенсации жертве. Суд пришел к выводу, что надлежащее средство правовой защиты требует проведения уголовного расследования. Суд пришел к такому же выводу в более позднем деле *М. С. против Хорватии*¹¹.

⁹ Закон № 195/1998 Coll.

¹⁰ European Court of Human Rights, *Bureš v. the Czech Republic*.

¹¹ European Court of Human Rights, *M.S. v. Croatia (No. 2)* (application No. 75450/12), judgment of 19 February 2015.

5.6 Что касается ссылки государства-участника на решения Европейского суда по правам человека в поддержку своих аргументов относительно достаточности гражданского иска, заявительница возражает против утверждения государства-участника об относимости. Она утверждает, что ни одно из дел Суда, на которые ссылается государство-участник, не относится к настоящему делу, а если бы и относилось, то поддерживало бы позицию заявительницы. В деле *V.C. против Словакии*¹² Суд счел, что стерилизация женщин рома, совершенная по неосторожности, является медицинской халатностью, а не умышленным жестоким обращением, как в деле заявительницы. Заявительница в том деле добивалась только гражданского средства правовой защиты, хотя могла бы подать заявление о возбуждении уголовного дела. Перед Судом стоял вопрос не о том, исчерпала ли она все имеющиеся средства правовой защиты, а, скорее, о том, было ли единственное исчерпанное ею средство правовой защиты эффективным. Суд установил, что гражданское средство правовой защиты не устранило нарушение, и постановил, что государство нарушило запрет на жестокое обращение, присудив заявительнице 31 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Дело *Фурдик против Словакии*¹³ касалось предполагаемой неспособности работников горноспасательной службы спасти дочь заявителя, поскольку они прибыли слишком поздно. Дело *Балаж и др. против Словакии*¹⁴ касалось ситуации, когда ни одно из существовавших средств правовой защиты, ни уголовное, ни гражданское, не было фактически исчерпано. Заявительница утверждает, что она, следовательно, надлежащим образом исчерпала средства защиты в порядке уголовного судопроизводства, бывшие единственными средствами правовой защиты, которые она обязана была исчерпать, учитывая элементы нарушения от 9 июля 2006 года. Она также ссылается на мнение Комитета по делу *Османи против Сербии*, в котором он отметил, что после безуспешного исчерпания одного средства правовой защиты от лица нельзя требовать, для целей удовлетворения требований статьи 22 (пункт 5 b)) Конвенции, исчерпания альтернативных юридических процедур, которые имеют по существу ту же цель и не дают больше шансов на успех¹⁵.

5.7 В отношении подачи гражданского иска заявительница отмечает, что статья 11 Гражданского кодекса направлена на защиту прав личности. Это гражданско-правовой инструмент, который влечет за собой препятствия, делающие его неэффективным для получения возмещения в случаях применения пыток или других видов жестокого обращения. Первое препятствие заключается в том, что, согласно статье 106 (пункт 1), Кодекса срок действия права на компенсацию истекает через два года, после того как заявителю стало известно об ущербе; при применении статьи 106 (пункт 3) Кодекса этот срок составляет три года. В Кодексе не проводится различия между актами пыток и другими видами жестокого обращения, а сроки давности применяются в общем порядке. Второе препятствие заключается в том, что гражданское право основано на презумпции, согласно которой истец должен доказать факт противоправного действия, ущерб и причинно-следственную связь. Бремя доказывания лежало бы исключительно на заявительнице, в то время как важнейшая информация о нарушении оставалась бы исключительно в распоряжении, владении и под контролем государства-участника, действующего через посредство учреждения для социального обеспечения в Мане. Уголовно-правовое средство судебной защиты позволило бы справедливо возложить бремя расследования и доказывания на власти государства-участника. Третье препятствие заключается в том, что заявительница была бы обязана оплатить судебный сбор и расходы на юридическое представительство. В случае неудачи ей грозило бы распоряжение оплатить все судебные издержки ответчика. Таким образом, гражданский иск не является эффективным средством правовой защиты от конкретных нарушений прав заявительницы в данном деле.

¹² European Court of Human Rights, *V.C. v. Slovakia*.

¹³ European Court of Human Rights, *Furdik v. Slovakia*.

¹⁴ European Court of Human Rights, *Baláz and others v. Slovakia*.

¹⁵ *Османи против Сербии* (CAT/C/42/D/261/2005), п. 7.1.

Замечания государства-участника относительно существа сообщения

6.1 В представлении от 5 сентября 2019 года государство-участник повторило, что после получения административной жалобы от 24 июля 2006 года Региональное управление Нитры указало 17 августа 2006 года на нарушение статьи 18 а) Закона о социальной помощи, которая устанавливает, что при предоставлении в учреждениях для социального обеспечения ухода лицам с интеллектуальными и поведенческими расстройствами недопустимо применять к ним физические и нефизические средства усмирения, даже в острой стадии проявления их заболевания. Помимо заявления о нарушении запрета на помещение в койку-сетку Управление предписало учреждению для социального обеспечения в Мане убрать из своих помещений все койки-сетки.

6.2 Более чем через 10 лет после инцидента, 5 сентября 2016 года, заявительница подала заявление о возбуждении уголовного дела, в котором она утверждала, что действия, предпринятые учреждением для социального обеспечения в Мане, равнозначны преступлению пытки или другого жестокого или бесчеловечного обращения, предусмотренному статьей 420 (пункты 1 и 2 а), b) и c)) Уголовного кодекса, и преступлению неправомерного обращения с близким или доверенным лицом, предусмотренному статьей 208 Кодекса¹⁶. Однако Окружное управление полиции Нове-Замки приняло незамедлительные меры и 19 октября 2016 года отклонило жалобу на том основании, что меры, принятые рассматриваемым учреждением, не содержали состава преступления пытки или любого другого преступления. Заявительница подала на решение Управления апелляцию, которая 20 января 2017 года была отклонена окружной прокуратурой Нове-Замки. Жалоба в Комитет была подана спустя почти 12 лет после инцидента, что осложнило установление доказательств.

6.3 Заявительница подала 22 марта 2017 года конституционную жалобу, в которой она отстаивала свое право не подвергаться пыткам или другому жестокому обращению, право на здоровье, право на эффективное расследование и право на недискриминацию и просила признать недействительными решения Окружного управления полиции и окружной прокуратуры в Нове-Замки. Конституционный суд отклонил 4 апреля 2017 года претензии заявительницы как необоснованные, заявив, что, учитывая обстоятельства ее дела, преступления в виде пыток или другого бесчеловечного или жестокого обращения, определенного в статье 420 (пункты 1 и 2 а), b) и c)) Уголовного кодекса, произойти не могло. В то время как помещение человека в койку-сетку, как правило, может привести к причинению вреда, равнозначного какому-либо другому жестокому или бесчеловечному обращению, отдельные обстоятельства в данном деле не были сочтены составом преступления пытки. Заявительница действительно была помещена в койку-сетку из-за повышенного уровня стресса и агрессивности, которые она проявляла, а также для защиты здоровья и безопасности заявительницы и других пациентов учреждения для социального обеспечения в Мане. Суд также постановил, что право на судебную защиту не влечет за собой обязанности правоохранительных органов возбуждать уголовное преследование или расследование в отношении конкретного лица на основании факта подачи заявления о возбуждении уголовного дела и что позитивное обязательство государства проводить эффективные расследования применяется только в случае очень серьезных нарушений прав. Суд указал, что, поскольку рассматриваемое учреждение является частным юридическим лицом, то, поместив заявительницу в койку-сетку, оно не осуществляло никаких государственных полномочий и не действовало по инициативе государства или с его согласия. Оно также не действовало с необходимым намерением причинить боль, наказать, унижить или нанести вред, и поэтому жалоба не соответствовала условиям, изложенным в статье 420 (пункт 1) Уголовного кодекса и в статье 1 Конвенции. Суд также отметил, что, если права заявительницы были нарушены, у нее есть другие имеющиеся средства

¹⁶ Словакия, Закон № 300/2005 Coll.

правовой защиты, такие как гражданский иск о защите личности¹⁷ в соответствии со статьей 11 Гражданского кодекса¹⁸.

6.4 Заявительница не исчерпала имеющиеся внутренние средства правовой защиты, которые обеспечили бы защиту ее прав и компенсацию ущерба, причиненного нарушением ее личных прав. Гражданское судопроизводство было бы наиболее эффективным способом сделать это по сравнению с административным или уголовным судопроизводством. Понятие личных прав и их нарушения шире по сравнению с преступлением пытки, и учреждение для социального обеспечения в Мане несет объективную ответственность за свои действия независимо от виновности или конкретной фактологической основы. Соответствующие действия необязательно должны достигать уровня или интенсивности, приводящим к сильной боли или физическим или нравственным страданиям. Достаточно установить, что закон определяет конкретную обязанность и что запрещенное действие имело место. Весьма вероятно, что заявительница выиграет гражданский иск, учитывая, что она может представить имеющиеся доказательства, и, вероятно, получит компенсацию. Государство-участник считает, что настоящая жалоба не была подана добросовестно и в соответствии с принципом субсидиарности и что заявление о возбуждении уголовного дела было подано более чем через 10 лет после предполагаемого преступления пытки, на которое не распространяется срок давности. Относительно длительный период между инцидентом и подачей заявления о возбуждении уголовного дела еще больше усложнил соответствующее расследование.

6.5 Запрещение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания является абсолютным в соответствии с Конституцией и Уголовным кодексом государства-участника как частью *jus cogens*. Как Закон о социальной помощи, действовавший до 31 декабря 2008 года, так и его действующая редакция¹⁹ предусматривают полномочия Министерства труда, социальных дел и по делам семьи по осуществлению контроля над социальными службами и обеспечению соблюдения Закона. Нарушение его положений, в том числе обязанностей поставщиков социальных услуг, считается административным правонарушением.

6.6 Что касается предполагаемого несоответствия Конвенции внутреннему законодательству, то государство-участник ссылается на статью 420 (пункт 1) Уголовного кодекса, которая гласит: «Любое лицо, которое при исполнении государственных полномочий подстрекает к устрашениям, пыткам или иному бесчеловечному или жестокому обращению с кем-либо, приводящим к физическим или нравственным страданиям, или дает явное или молчаливое согласие на это, может быть наказано лишением свободы на срок от двух до шести лет». Данное положение основано на определении, содержащемся в статье 1 (пункт 1) Конвенции. Пытка определяется как любое действие, причиняющее человеку сильную боль или физическое или нравственное страдание. Другое бесчеловечное или жестокое обращение не достигает интенсивности пытки, что соответствует прецедентному праву Европейского суда по правам человека²⁰. В то время как определение, содержащееся в статье 1 Конвенции, требует наличия конкретного мотива, для того чтобы деяния приравнивались к пытке, такой мотив не требуется для квалификации преступления в соответствии со статьей 420 (пункт 1) Уголовного кодекса. Преступлением мог бы считаться более широкий набор действий без необходимости демонстрации субъективных элементов, включая мотив. Однако эти действия должны быть связаны с осуществлением полномочий, т. е. принятием решений о правах и обязанностях, и это положение предполагает наличие умысла на совершение таких действий. Помимо расширения сферы применения, статья 420 (пункт 1) Уголовного кодекса также определяет как преступления другие виды жестокого обращения,

¹⁷ European Court of Human Rights, *Baláž and others v. Slovakia; Furdík v. Slovakia*; and *V.C. v. Slovakia*, paras. 125–129.

¹⁸ Чехословакия, Закон № 40/1964 Coll.; и статья 16 Конституции Словакии.

¹⁹ Словакия, Закон № 448/2008 Coll.

²⁰ European Court of Human Rights, *Gäfgen v. Germany* (application No. 22978/05); *Cestaro v. Italy* (application No. 6884/11); *Aksoy v. Turkey* (application No. 21987/93).

оказывающие неблагоприятное физическое или психологическое воздействие на человека. Уголовная ответственность распространяется на деяния, аналогичные пыткам, но меньшей интенсивности. Совершение запрещенных действий в отношении лица, находящегося под защитой, является отягчающим обстоятельством. Как отметил Комитет, внутригосударственные определения могут отличаться по формулировкам и могут быть шире и объемнее. Определение государства-участника соответствует минимальным стандартам Конвенции, но при этом допускает более широкое применение и повышенную защиту. Как того требует статья 4 (пункт 1) Конвенции, акты пытки рассматриваются как умышленные преступления. В своих периодических докладах, представленных Комитету в соответствии с Конвенцией, государство-участник определило другие преступления, которые предусматривают элементы пыток, когда они совершаются в контексте геноцида, недобровольного исчезновения, нанесения телесных повреждений или вымогательства.

6.7 Государство-участник возражает против утверждения заявительницы о том, что оно не проводит четкого различия между пытками и другими видами жестокого обращения с учетом различных уровней виновности и требования о наличии умысла как обязательной части субъективного аспекта преступления. Статья 16 (пункт 1) Конвенции определяет другое жестокое обращение как действие, не достигающее до степени пытки. В комментарии к Конвенции различие между определениями, содержащимися в статье 1 (пункт 1) и статье 16 (пункт 1) Конвенции, основано на разнице в интенсивности действия и на том, что для последнего не требуется конкретный мотив²¹. Конкретный мотив не может быть приравнен к умыслу. В статье 1 (пункт 1) и статье 16 (пункт 1) Конвенции виновность в форме умысла требуется для того, чтобы составить фактологическую основу преступления (*mens rea*). Поэтому статью 420 (пункт 1) Уголовного кодекса следует рассматривать как соответствующую статье 16 (пункт 1) Конвенции. Как отметил Комитет, практически невозможно провести различие между обязательствами по предупреждению пыток и жестокого обращения, учитывая, что эти обязательства являются неделимыми, взаимозависимыми и взаимосвязанными²². Статья 16 (пункт 1) Конвенции также предусматривает другие положения Конвенции, в частности статьи 10–13, которые должны применяться для предотвращения жестокого обращения при соблюдении условий статьи 16 (пункт 2) Конвенции. Соответственно, обязательства по статье 4 (пункт 1) Конвенции в первую очередь применяются к пыткам в соответствии со статьей 1 (пункт 1) Конвенции, а не к жестокому обращению. Государство-участник также утверждает, что Конвенция не требует квалификации других видов жестокого обращения как преступления, и ссылается на пункты 9 и 10 замечания общего порядка Комитета № 2 (2007) об имплементации статьи 2. Если бы в статье 420 (пункт 1) Уголовного кодекса не проводилось четкого различия между пытками и жестоким обращением, государство-участник не могло бы нарушить свои обязательства по статье 4 (пункт 1) Конвенции в отношении жестокого обращения. Напротив, включение жестокого обращения в качестве преступления в статью 420 (пункт 1) Уголовного кодекса расширяет защиту лиц от пыток и жестокого обращения по сравнению с его обязательствами по статье 16 (пункт 1) Конвенции. Государство-участник утверждает, что его национальное законодательство, таким образом, соответствует Конвенции, включая статью 1 (пункт 1).

6.8 Более того, заявительница не была помещена в койку-сетку с целью дискриминации по признаку пола или инвалидности. В случае подозрения на дискриминацию применяется обратное бремя доказывания, и заявительница обязана представить доказательства, которые могут быть использованы для определения того, что такая дискриминация имела место. Учитывая, что заявительница в определенное время была помещена в учреждение для социального обеспечения, предназначенное исключительно для женщин, и что в жалобе не было представлено никаких соответствующих данных или подробностей относительно других случаев

²¹ Lene Wendland, *A Handbook on State Obligations under the UN Convention against Torture* (Geneva, APT, 2002), pp. 57–58.

²² Комитет против пыток, замечание общего порядка № 2 (2007) об имплементации статьи 2, п. 3.

предполагаемого институционального насилия в учреждениях для мужчин, государство-участник считает такие утверждения необоснованными.

6.9 Что касается предполагаемых нарушений статей 2 (пункт 1) и 11 Конвенции, то государство-участник утверждает, что женщины с физической, интеллектуальной или психосоциальной инвалидностью пользуются достаточной защитой от всех форм злоупотреблений, учитывая, что применение насилия и ограничение личной свободы в медико-санитарных учреждениях и учреждениях для социального обеспечения запрещены Законом о социальной помощи, вступившим в силу 1 января 2009 года. Статистических данных, которые подтверждали бы утверждения заявительницы в этом отношении, не имеется. Запрет на применение любой формы насилия или ограничения личной свободы, включая запрет на использование коек-сеток, был также включен в редакцию статьи 18 а) Закона о социальной помощи, действовавшую с 1 июля 1998 года по 31 декабря 2008 года. Действовавшее законодательство защищало заявительницу от нарушения ее личных прав путем прямого запрета на использование коек-сеток в качестве средства физического усмирения человека. Действия сотрудников учреждения для социального обеспечения в Мане во время инцидента представляли собой нарушение применимого законодательства. Однако учитывая, что государство-участник пересмотрело законодательство, действовавшее на момент инцидента, государство-участник считает, что оно приняло законодательные меры по предупреждению пыток и жестокого обращения в соответствии со своими обязательствами по статье 2 (пункт 1), рассматриваемой в связи со статьей 16 (пункт 1) Конвенции.

6.10 Действовавшее в то время законодательство допускало осуществление контроля и надзора за учреждениями для социального обеспечения муниципалитетами, самоуправляемыми краями, Министерством труда, социальных дел и по делам семьи и управлением омбудсмена в соответствии с международными обязательствами государства-участника. Заявительница опротестовала нарушение своих прав посредством подачи в управление Нитранского самоуправляемого края административной жалобы, в которой она указала, что учреждение для социального обеспечения в Мане нарушило статью 18 а) Закона о социальной помощи, и потребовала убрать из этого учреждения все койки-сетки. Учитывая длительный срок между инцидентом и представлением настоящего сообщения, государство-участник не располагает дополнительной информацией об инциденте из-за правил архивирования и защиты данных. Оно также не располагает какими-либо данными или статистикой о проведенных проверках и надзоре за поставщиками социальных услуг. В настоящее время заявительница получает помощь в государственном учреждении для социального обеспечения «Арлекин» в Топольчанах. Мать заявительницы также неоднократно подавала жалобы на предполагаемые злоупотребления и бесчеловечное обращение с заявительницей в этом учреждении. Министерство, Нитранский самоуправляемый край и правоохранительные органы провели проверки в соответствии со статьей 11 Конвенции, однако они не посчитали утверждения обоснованными и нарушений применимого законодательства выявлено не было. Государство-участник повторяет, что заявительница не воспользовалась имеющимися средствами правовой защиты в соответствии со статьей 11 Гражданского кодекса, несмотря на установление факта незаконного вмешательства в ее права путем удержания ее в койке-сетке, и подала заявление о возбуждении уголовного дела более чем через 10 лет после инцидента.

6.11 Что касается предполагаемого нарушения статьи 12, то с учетом того, что действия работников учреждения для социального обеспечения в Мане не были расследованы и они не были привлечены к уголовной ответственности, государство-участник утверждает, что не каждое деяние может считаться преступным, а третья сторона быть подвергнута соответствующему наказанию. Оно подробно описывает гарантии быстрого и беспристрастного расследования, предусмотренные Уголовным кодексом, Законом о полиции и Законом о прокуратуре. После подачи 5 сентября 2016 года заявления о возбуждении уголовного дела компетентный полицейский следователь запросил у Нитранского самоуправляемого края доказательства, собранные при рассмотрении административной жалобы. После проведения оценки, включая показания лечащего врача, тогдашнего директора и последующего директора

учреждения для социального обеспечения в Мане, Окружное управление полиции в Нове-Замки отклонило жалобу, поскольку она не соответствовала фактологической основе преступления пытки в соответствии со статьей 420 (пункт 1) Уголовного кодекса, заявив, что действия, предпринятые этим учреждением, также не могут рассматриваться как какое-либо другое преступление. Заявительница подала на решение Управления апелляцию, которую окружной прокурор Нове-Замки отклонил 27 октября 2016 года, тем самым подтвердив решение Управления. Учитывая обстоятельства данного дела, государство-участник считает, что было проведено независимое, беспристрастное и быстрое расследование в соответствии с Уголовным кодексом и требованиями статьи 12 Конвенции.

6.12 Что касается претензий по статье 14 Конвенции, то заявительница утверждает, что ей не была предложена компенсация за ущерб, причиненный ей учреждением для социального обеспечения в Мане, в связи с административными, уголовными или конституционными жалобами. Учитывая, что этот инцидент не является преступлением пытки в соответствии с Уголовным кодексом, нет оснований применять статью 14 Конвенции, которую государство-участник не могло нарушить. Не каждое действие может быть квалифицировано как пытка в соответствии со статьей 1 (пункт 1) или жестокое обращение в соответствии со статьей 16 Конвенции. В случае вмешательства в личные права доступны и другие средства правовой защиты, помимо предусмотренных уголовным законодательством, такие как иск о защите прав личности и о возмещении ущерба по гражданскому праву. В деле *Балаж и др. против Словакии*²³, касающемся предполагаемого жестокого обращения со стороны полиции, Европейский суд по правам человека пришел к выводу, что заявители не исчерпали все имеющиеся внутренние средства правовой защиты, учитывая, что они могли добиваться защиты своих личных прав и требовать компенсации морального ущерба в соответствии со статьей 11 Гражданского кодекса. В деле *Н.Б. против Словакии* заявительница требовала компенсации за принудительную стерилизацию в соответствии со статьей 11 Гражданского кодекса. Хотя национальные суды сочли принудительную стерилизацию незаконной, но не составляющей преступления, Суд не установил нарушения Европейской конвенции по правам человека, посчитав, что национальные власти обеспечили эффективное рассмотрение претензий заявительницы судебными или полицейскими органами. При обращении за средством правовой защиты в связи с нарушением обязательств со стороны государственного органа, согласно Закону о жалобах²⁴, заявительница должна была инициировать судебное разбирательство. Учитывая, что учреждение для социального обеспечения в Мане нарушило запрет, предусмотренный статьей 18 а) Закона о социальной помощи, в соответствии с решением Нитранского самоуправляемого края, разбирательство в независимом и беспристрастном суде в соответствии с гражданским правом было наиболее эффективным и доступным средством возмещения ущерба, причиненного действиями этого учреждения. Заявительница располагала средствами для получения компенсации, которые были доступны и, в случае их использования, эффективны. Однако ее иск утратил силу, поскольку она не инициировала разбирательство в установленный законом срок. Что касается общей правовой базы для компенсации жертвам преступлений, то в соответствии со статьей 14 Конвенции ее предоставление регулируется Законом о жертвах преступлений²⁵, который также гарантирует психологическое консультирование и юридическую помощь.

6.13 В заключение государство-участник утверждает, что действия, предпринятые учреждением для социального обеспечения в Мане, не составили фактологической основы преступления пытки по статье 420 (пункт 1) Уголовного кодекса и что не было нарушения статьи 1 (пункт 1) или статьи 16 (пункт 1) Конвенции. Учитывая надлежащее выполнение своих обязательств по Конвенции и существующие механизмы предупреждения пыток и жестокого обращения, государство-участник

²³ European Court of Human Rights, *Baláz and others v. Slovakia; Furdík v. Slovakia; and V. C. v. Slovakia*, paras. 125–129.

²⁴ Словакия, Закон № 9/2010 Coll.

²⁵ Словакия, Закон № 274/2017 Coll.

считает, что оно не нарушило положения статей 1 (пункт 1), 2 (пункт 1), 4 (пункт 1), 11, 12, 14 (пункт 1) и 16 (пункт 1) Конвенции.

Дополнительная информация, представленная заявителем

7.1 В представлении от 18 февраля 2020 года заявительница отметила, что государство-участник не стало оспаривать обстоятельства дела, и повторила, что использование койки-клетки было незаконным в соответствии с законодательством Словакии во время ее содержания в учреждении для социального обеспечения в Мане и что его вредные последствия для лиц с инвалидностью были признаны государством-участником.

7.2 Заявительница возражает против аргумента о том, что она не исчерпала все имеющиеся внутренние средства правовой защиты, поскольку не подала гражданского иска о нарушении ее личных прав, которое не было равносильно пыткам или жестокому обращению. Государство-участник неверно истолковывает характер соответствующих нарушений и эффективность гражданского судопроизводства в обеспечении возмещения за акты пыток или жестокого обращения.

7.3 Учитывая, что уголовное преследование было единственным доступным и эффективным средством правовой защиты, все имеющиеся внутренние средства правовой защиты были исчерпаны. В силу своей уязвимости она оказалась бы в неблагоприятном положении, если бы прибегла к гражданскому судопроизводству, которое в ее случае было бы неэффективным, поскольку на практике оно было недоступно; она утверждает, что у нее не было ни денежных средств, ни возможности нанять специализированного адвоката, а также доступа к доказательствам, необходимым для несения бремени доказывания²⁶, или компетенции для подачи судебного иска. Если бы она инициировала гражданский процесс, ответчиком могло бы быть только учреждение для социального обеспечения в Мане как юридическое лицо, что привело бы к безнаказанности виновных, нарушивших ее права человека.

7.4 В соответствии с международным правом в области прав человека необходимо проводить строгое различие между непреднамеренными последствиями законных или оправданных медицинских действий и умышленными действиями; в последнем случае нет необходимости исчерпывать внутренние средства правовой защиты посредством подачи иска о защите личных прав. В данном деле вред был причинен в результате умышленного²⁷ и незаконного помещения заявительницы в койку-клетку без какого-либо медицинского обоснования²⁸. Данный случай аналогичен применению средств усмирения к лицам, находящимся под стражей или проходящим лечение в психиатрической больнице. Концепция эффективного средства правовой защиты требует от государства проведения тщательного и эффективного расследования. Умышленное жестокое обращение с лицами, находящимися под контролем государственных должностных лиц, не может быть исправлено исключительно путем присуждения компенсации жертве²⁹. Поэтому заявительница отвергает довод о том, что она действовала недобросовестно при подаче жалобы в Комитет, не став добиваться возмещения ущерба в соответствии с гражданским законодательством. Принимая во внимание преднамеренное и незаконное использование койки-клетки в отношении заявительницы, в частности с учетом того, что она является лицом с инвалидностью, подача жалобы в Региональное управление Нитры и последующее уголовное дело были единственными доступными способами поиска адекватного средства правовой защиты, способного привести к выявлению и наказанию виновных

²⁶ Заявительница должна была бы доказать незаконность, причиненный вред и причинно-следственную связь. Хотя незаконность была доказана тем, что Региональное управление Нитры заявило о незаконности помещения заявительницы в койку-клетку, доказать причиненный заявителем вред и его причинно-следственную связь было бы невозможно из-за отсутствия разумных процедурных гарантий. Заявительница считает, что у нее было больше шансов на успех в уголовном процессе, где применяется обратное бремя доказывания.

²⁷ Этот аргумент не был оспорен Региональным управлением Нитры в качестве надзорного органа или государством-участником.

²⁸ European Court of Human Rights, *Bureš v. the Czech Republic*.

²⁹ European Court of Human Rights, *Krastanov v. Bulgaria*, para. 60; and *Kopylov v. Russia*, para. 130.

и гарантиям неповторения, а также предоставить заявительнице удовлетворение и компенсацию.

7.5 Заявительница повторяет, что имели место все четыре элемента пытки, включая сильную боль или страдания, умысел, цель и участие государства, и что в результате ее помещения в койку-клеть она испытала сильное эмоциональное потрясение. Ее права были нарушены в результате того, что в национальном уголовном законодательстве не содержится соответствующих положений, предусматривающих уголовную ответственность за пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Более того, национальное законодательство не обеспечивает эффективного расследования случаев применения пыток и жестокого обращения, а также судебного преследования и наказания виновных в соответствующих случаях³⁰. Определение в статье 420 Уголовного кодекса объединяет пытки и жестокое обращение и не дает определения элементам пыток. В частности, закон не определяет конкретные цели применения пыток, включая дискриминацию. В нем также не проводится различия между актами пыток и жестоким обращением на основании *mens rea*. Учитывая, что умысел требуется даже для актов унижающего достоинство обращения, это ограничивает применимость данного положения на практике. Хотя деяние, совершенное в отношении заявительницы, могло бы рассматриваться как пытка или другое жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание в соответствии с международным правом, оно не может быть эффективно отнесено к какой-либо категории в соответствии с внутригосударственным уголовным правом. Это приводит к практической невозможности проведения эффективного уголовного расследования и к фактической безнаказанности лиц, совершивших акты пыток или жестокого обращения в отношении заявительницы, как женщины с инвалидностью, помещенной в специализированное учреждение.

7.6 Заявительница утверждает, что государство-участник нарушило обязательство предпринять эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией и создать эффективную и независимую систему контроля за рассмотрением жалоб и внешних инспекций³¹, чтобы защитить лиц с инвалидностью в специализированных учреждениях от любых актов жестокого обращения. Использование химических, физических или механических средств усмирения, приводящее к нарушению права женщин с инвалидностью не подвергаться пыткам и другим видам жестокого обращения и нарушающее ряд других их прав³², в медико-санитарных учреждениях и учреждениях для социального обеспечения мотивировано стереотипами в отношении лиц с инвалидностью и неправомерно обосновывается теориями недееспособности и терапевтической необходимости³³. Государство-участник не предоставило соответствующих гарантий для защиты женщин с инвалидностью, содержащихся в учреждениях для социального обеспечения и медико-санитарных учреждениях, от злоупотреблений, утверждая, что использование коек-клетей по-прежнему является законным в медико-санитарных учреждениях.

7.7 Власти не возбудили уголовное дело после инцидента, произошедшего 9 июля 2006 года, не предали правонарушителей суду и не наложили надлежащие уголовные санкции, как того требует статья 12 Конвенции. В заключение заявительница напоминает, что ей не было предложено или предоставлено какое-либо возмещение за вред, причиненный в результате помещения в койку-клеть, и что ее усилия получить его оказались тщетными. Обязательство государства-участника предоставить заявительнице надлежащее средство правовой защиты в соответствии со статьей 14 Конвенции не было выполнено³⁴.

³⁰ CAT/C/SVK/CO/3, п. 7.

³¹ A/56/44, п. 114 d).

³² CRPD/C/SWE/CO/1, п. 37.

³³ A/HRC/22/53, п. 64.

³⁴ Комитет против пыток, замечание общего порядка № 3 (2012), п. 5.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен решить, является ли оно приемлемым согласно статье 22 Конвенции. В соответствии с требованиями статьи 22 (пункт 5 а)) Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

8.2 Что касается статьи 22 (пункт 5 b)) Конвенции, то Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что заявительница не исчерпала все внутренние средства правовой защиты, учитывая, что она могла подать в соответствии со статьей 11 Гражданского кодекса гражданский иск, посредством которого она, скорее всего, получила бы средство правовой защиты за причиненный вред, учитывая принцип объективной ответственности. Государство-участник утверждает, что заявление о возбуждении уголовного дела было подано заявительницей только в 2016 году, спустя 10 лет после принятия решения по ее административной жалобе, и что настоящее сообщение было представлено недобросовестно. Комитет принимает к сведению аргумент заявительницы о том, что уголовное разбирательство было единственным доступным и эффективным средством правовой защиты, учитывая обратное бремя доказывания, и что гражданский иск не был бы эффективным³⁵. Будучи женщиной с инвалидностью, она утверждает, что не может нести бремя доказывания, пока доказательства находятся в распоряжении учреждения для социального обеспечения в Мане, что ее дееспособность ограничена и что исковые требования имеют срок давности (см. пункты 5.5, 6.3, 6.4 и 7.3 выше). Заявительница утверждает, что гражданский иск не может гарантировать эффективного расследования жестокого обращения, примененного к ней незаконно и умышленно, что он не обеспечит компенсацию за причиненный ей вред, что государство-участник нарушило свое обязательство расследовать инцидент *ex officio* и что виновные остались безнаказанными³⁶. Комитет отмечает, что 17 августа 2006 года Региональное управление Нитры установило факт нарушения прав заявительницы, что рассмотрение заявления о возбуждении уголовного дела, поданного заявительницей, было приостановлено в 2016 году и апелляция на это решение была отклонена и что ее конституционная жалоба была отклонена как необоснованная 4 апреля 2017 года. Комитет также отмечает, что Конституционный суд не расценил подачу заявления о возбуждении уголовного дела в 2016 году как злоупотребление процедурой его представления и что настоящее сообщение было представлено через год после исчерпания последнего доступного средства правовой защиты в 2018 году. Учитывая обстоятельства дела, Комитет считает, что гражданский иск вряд ли оказал бы заявительнице эффективную помощь, учитывая, что он не был доступен для нее на практике, в частности из-за отсутствия разумных процедурных гарантий, которые помогли бы ей нести бремя доказывания, и не привел бы к установлению ответственности виновных³⁷. Соответственно, Комитет считает, что статья 22 (пункт 5 b)) Конвенции не препятствует рассмотрению им настоящего сообщения.

8.3 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что сообщение также является явно необоснованным и поэтому неприемлемым в соответствии со статьей 22 (пункт 2) Конвенции, в частности в отношении утверждений заявительницы о том, что применение к ней средств усмирения было равносильно пыткам, стереотипному злоупотреблению и дискриминации и явилось нарушением статьи 1. Комитет также принимает к сведению возражение государства-участника о том, что составные элементы пытки, включая умысел, интенсивность, цель оспариваемых действий и качество субъекта, не были соблюдены, учитывая, что к заявительнице были применены средства усмирения после того, как она стала проявлять признаки, представляющие опасность для ее здоровья и здоровья других

³⁵ См., например, *Дар против Норвегии* (CAT/C/38/D/249/2004), п. 6.5.

³⁶ *Османи против Сербии*, п. 7.1.

³⁷ Там же.

пациентов в учреждении для социального обеспечения в Мане. Комитет напоминает, что сотрудники негосударственных или даже частных учреждений, предоставляющих общественные услуги, действуют в официальном качестве, учитывая их ответственность за выполнение государственной функции, что не умаляет обязанности государственных должностных лиц предотвращать пытки и жестокое обращение³⁸. Комитет отмечает, что власти государства-участника неадекватно оценили качество субъекта, учитывая, что учреждение для социального обеспечения в Мане предоставляло общественные услуги на основании Закона о социальной помощи, что надзор за деятельностью учреждения осуществлялся на основании Кодекса административного судопроизводства³⁹ и что Региональное управление Нитры в качестве учредителя учреждения выявило нарушение Закона при осуществлении полномочий государства-участника. Комитет также отмечает, что заранее обдуманное намерение и дискриминационная цель применения к заявителю средств усмирения не были установлены, для того чтобы деяние квалифицировалось как пытка, и что не было представлено никаких доказательств в поддержку утверждений о стереотипных злоупотреблениях и дискриминации. Учитывая, что претензии по статье 1 Конвенции, включая утверждения о злоупотреблениях и дискриминации по признаку пола и инвалидности, не были достаточно обоснованы, Комитет считает эти претензии явно необоснованными и поэтому неприемлемыми в соответствии со статьей 22 (пункт 2) Конвенции.

8.4 Отсутствие составных элементов пытки не мешает Комитету рассмотреть вопрос о том, не представляло ли применение к заявителю мер усмирения жестоким обращением. Комитет принимает к сведению утверждения заявительницы о том, что применение к ней средств усмирения до физической изоляции в учреждении для социального обеспечения в Мане, а также отсутствие расследования и возмещения ущерба составляют нарушение статей 2 (пункт 1), 4 (пункт 1), 11, 12, 14 (пункт 1) и 16 (пункт 1) Конвенции. Комитет считает, что эти утверждения являются достаточно обоснованными для целей приемлемости. Учитывая, что Комитет не видит никаких других препятствий для объявления сообщения приемлемым, он объявляет претензии по статьям 2 (пункт 1), 4 (пункт 1), 11, 12, 14 (пункт 1) и 16 (пункт 1) Конвенции приемлемыми и переходит к их рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

9.1 В соответствии со статьей 22 (пункт 4) Конвенции Комитет рассмотрел данное сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами.

9.2 В настоящем деле вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, было ли удерживание заявительницы в койке-клетке 9 июля 2006 года равносильно форме насилия и причинения вреда в нарушение ее прав по статьям 2 (пункт 1), 4 (пункт 1), 11, 12, 14 (пункт 1) и 16 (пункт 1) Конвенции.

9.3 Что касается утверждений о нарушении прав заявительницы по статье 16 (пункт 1), то Комитет принимает к сведению ее довод о том, что ее удерживание в койке-клетке в учреждении для социального обеспечения в Мане не было оправдано медицинской необходимостью и аналогично недопустимым средствам усмирения, применяемым к лицам, лишенным свободы. Она утверждает, что ее удерживали намеренно, с целью дисциплинарного воздействия, что сотрудники учреждения для социального обеспечения действовали в качестве государственных должностных лиц и что она была лишена свободы в соответствии с административным решением. Комитет также принимает к сведению утверждение о том, что такое обращение причинило заявительнице сильную боль и страдания, что равносильно жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, если не пыткам, и что аналогичные средства усмирения применяются несоразмерно к лицам с интеллектуальной и психосоциальной инвалидностью и к женщинам. Кроме того, Комитет принимает к сведению утверждение о том, что в медико-санитарных учреждениях государства-участника по-прежнему является законным использование

³⁸ Комитет против пыток, замечание общего порядка № 2 (2007), пп. 7, 17 и 18.

³⁹ Закон № 67/1971 Coll.

коек-клетей и что не были приняты общие стандарты качества обслуживания. Комитет также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что не каждое действие может быть квалифицировано как жестокое обращение по статье 16, однако он отмечает, что Конституционный суд признал, что заявительница, возможно, подверглась унижающему достоинство обращению. В этой связи Комитет напоминает, что в своих решениях и в своем замечании общего порядка № 2 (2007) он рассматривал риск подвергнуться пыткам и жестокому обращению со стороны негосударственных субъектов и непроявление государством надлежащего усердия в форме вмешательства для целей пресечения недопустимых в соответствии с Конвенцией злоупотреблений, за которые оно может нести ответственность. Он также напоминает, что жестокое обращение может быть совершено посредством действий или бездействия, не требующих наличия умысла, поскольку может быть достаточно одной небрежности. На основании имеющейся информации Комитет приходит к выводу, что утверждения заявительницы должны быть полностью приняты во внимание, а именно ее заявления о том, что средства усмирения были применены к ней сотрудниками учреждения для социального обеспечения в Мане, действовавшими в качестве государственных должностных лиц и от имени государства, и что рассматриваемое деяние достигло интенсивности и пагубных последствий, приравняемых к жестокому обращению по смыслу статьи 16 (пункт 1) Конвенции.

9.4 Что касается утверждений о нарушении статьи 2 (пункт 1), то Комитет принимает к сведению утверждения заявительницы о том, что государство-участник не приняло эффективных мер для предотвращения актов пыток или жестокого обращения, учитывая, что при лишении свободы ее удерживали в койке-клетке, без надлежащей защиты от злоупотреблений и насилия. Хотя заявительница подала в связи с этим инцидентом несколько жалоб, он не был эффективно расследован. Комитет напоминает, что обязательство предотвращать жестокое обращение на практике перекликается и в значительной степени совпадает с обязательством предупреждать пытки, что граница между жестоким обращением и пытками нередко является размытой и что условия, приводящие к жестокому обращению, часто способствуют пыткам и поэтому меры, необходимые для предупреждения пыток, должны применяться и для предупреждения жестокого обращения⁴⁰. Комитет отмечает, что использование койки-клетки было незаконным в соответствии с действовавшим в то время законодательством Словакии и что государство-участник признало, что в деле заявительницы национальным судом было установлено нарушение Закона о социальной помощи, включая тот факт, что продолжительность применения к заявительнице средств усмирения не была зарегистрирована в специальном журнале. Комитет считает, что подтверждение Региональным отделением в Нитре факта нарушения национального законодательства, без устранения вредных последствий для заявительницы, не является эффективным средством борьбы с жестоким обращением с целью предотвращения его повторения. Кроме того, не было предоставлено никакой информации о мерах, принятых для исправления ситуации с отсутствием записи о продолжительности применения к заявительнице средств усмирения⁴¹. Соответственно, Комитет приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 2 (пункт 1), рассматриваемой в совокупности со статьей 16 (пункт 1) Конвенции.

9.5 Что касается утверждений по статье 4 (пункт 1), то Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что статья 420 его Уголовного кодекса обеспечивает более широкую защиту, поскольку она криминализирует акты как пыток, так и жестокого обращения, и его заявление о том, что статья 4 Конвенции требует криминализации только пыток. Комитет, однако, принимает к сведению возражение против этого аргумента со стороны заявительницы, отмечающей, что в определении соответствующего преступления смешиваются понятия пытки и жестокого обращения, так как в нем не определены элементы пыток и не проводится различия между актами пыток и жестокого обращения по признаку *mens rea*, поскольку умысел требуется даже в случаях унижающего достоинство обращения.

⁴⁰ Комитет против пыток, замечание общего порядка № 2 (2007), п. 3.

⁴¹ Там же.

Заявительница утверждает, что это приводит к невозможности проведения эффективного уголовного расследования и к фактической безнаказанности за акты пыток или жестокого обращения, совершенные в отношении женщин с инвалидностью в специализированных учреждениях. Комитет напоминает, что одной из целей Конвенции является недопущение того, чтобы лица, совершившие акты пыток или жестокого обращения, оставались безнаказанными. Он также напоминает, что элементы умысла и цели, предусмотренные в статье 1 Конвенции, не предполагают субъективного выявления мотивов, которыми руководствовались исполнители, и что вместо этого им необходимо дать объективное заключение, что жестокое обращение отличается от пыток степенью боли и страданий, не требуя доказательства цели, и что жестокое обращение может быть вызвано небрежностью. Комитет отмечает, что, хотя факт применения к заявительнице средств усмирения был официально рассмотрен властями, рассмотрение ее жалобы было приостановлено на основании того, что формальные элементы статьи 420 Уголовного кодекса не были соблюдены, без проведения расследования или наказания лиц, виновных в жестокое обращение. Комитет приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 4 (пункт 1) Конвенции.

9.6 Комитет принимает к сведению утверждение заявительницы о нарушении статьи 11 Конвенции, учитывая, что государство-участник не выполнило свое обязательство по созданию эффективной и независимой системы контроля за рассмотрением жалоб на пытки или жестокое обращение и внешних и гражданских инспекций, включая механизмы мониторинга и предупреждения, для защиты лиц с инвалидностью в специализированных учреждениях от любых актов жестокого обращения. Заявительница также утверждает, что статья 11 была нарушена, поскольку государство-участник не провело необходимого надзора за применением к ней средств усмирения, продолжительность которого не была зарегистрирована. Комитет напоминает, что обязательство осуществления контроля для предупреждения пыток и жестокого обращения распространяется на ситуации, в которых насилие применяется как официально, так и в частном порядке⁴². С учетом отсутствия убедительных доказательств со стороны государства-участника о том, что был обеспечен надзор за условиями применения к заявительнице средств усмирения, Комитет приходит к выводу, что государством-участником была нарушена статья 11 Конвенции⁴³.

9.7 Что касается утверждений о нарушении статьи 12, то Комитет принимает к сведению аргумент заявительницы о том, что власти не расследовали инцидент, произошедший 9 июля 2006 года, не привлекли виновных к суду и не применили соответствующие уголовные санкции. Комитет также принимает к сведению возражение на этот довод со стороны государства-участника, указавшего, что заявление о возбуждении уголовного дела заявительницы было рассмотрено, но производство было приостановлено. Хотя было начато расследование, государство-участник не стало преследовать предполагаемых виновных в жестокое обращение и заявило, что материальные элементы преступления не были установлены. Комитет отмечает, что государство-участник также возразило против этого аргумента на том основании, что заявительница не требовала компенсации за моральный вред. Комитет напоминает об обязательстве государства-участника по статье 12 Конвенции обеспечить, чтобы его компетентные органы приступали к проведению быстрого и беспристрастного расследования во всех случаях, когда имеются разумные основания полагать, что был совершен акт пытки⁴⁴. Такое расследование должно быть быстрым, беспристрастным и эффективным⁴⁵. Уголовное расследование должно быть направлено на определение характера и обстоятельств предполагаемых деяний, установление личности лиц, которые могли быть причастны к ним⁴⁶, предоставление

⁴² Там же, п. 25.

⁴³ *Гахунгу против Бурунди* (CAT/C/55/D/522/2012), п. 7.7.

⁴⁴ *Нийонзима против Бурунди* (CAT/C/53/D/514/2012), п. 8.4; и *Рамирес Мартинес и др. против Мексики* (CAT/C/55/D/500/2012), п. 17.7.

⁴⁵ *Е.З. против Казахстана* (CAT/C/53/D/495/2012), п. 13.2.

⁴⁶ *Ф.К. против Дании* (CAT/C/56/D/580/2014), п. 7.7; и *Джемайль и др. против Югославии* (CAT/C/29/D/161/2000), п. 9.4.

жертве соответствующего возмещения и борьбу с безнаказанностью за нарушения Конвенции⁴⁷. Комитет напоминает, что статья 12 в равной степени применима к утверждениям о жестоком, бесчеловечном или унижающем достоинство обращении или наказании. Соответственно Комитет считает, что умышленное жестокое обращение с лицом, находящимся под контролем государственных или негосударственных субъектов, действующих в качестве государственных должностных лиц, не может быть исправлено исключительно путем присуждения компенсации жертве. С учетом обстоятельств данного дела Комитет приходит к выводу, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 12 Конвенции.

9.8 Что касается предполагаемого нарушения статьи 14 (пункта 1), то Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что в ходе административных и уголовных расследований были обеспечены эффективные средства правовой защиты, тогда как возмещение не могло быть предоставлено, поскольку факт пыток не был установлен. Комитет отмечает, что уголовное расследование было приостановлено без установления виновных, что заявительница не получила никакой компенсации, реабилитации или удовлетворения за причиненный ей физический и моральный вред и что не было предпринято никаких шагов для предотвращения использования в будущем коек-клетей в отношении нее в частности и женщин с интеллектуальной и психосоциальной инвалидностью в целом. Как подтвердил Комитет в пункте 17 своего замечания общего порядка № 3 (2012) об имплементации статьи 14, государство-участник может нарушить статью 14 Конвенции, которая требует от государств-участников обеспечить, чтобы жертвы пыток или жестокого обращения получали возмещение, путем принятия мер к эффективному расследованию, уголовному преследованию виновных или допущению гражданского судопроизводства в связи с утверждениями об актах пыток или жестокого обращения. Когда акты пыток или жестокого обращения совершаются негосударственными должностными лицами или частными субъектами, государство несет ответственность за любую неспособность проявить должную осмотрительность для предупреждения и расследования таких актов или для преследования и наказания таких негосударственных должностных лиц или частных субъектов в соответствии с Конвенцией⁴⁸, а также за предоставление возмещения потерпевшим⁴⁹. Комитет напоминает, что предоставление только денежной компенсации является недостаточным для выполнения государством-участником своих обязательств по статье 14⁵⁰, что право на возмещение ущерба требует начала или завершения расследований жалоб на пытки или жестокое обращение без неоправданной задержки⁵¹ и что потерпевшим должны быть доступны как гражданские, так и уголовные средства правовой защиты, которые должны быть эффективными⁵². В свете вышеизложенного Комитет считает, что заявительнице было отказано в ее праве на эффективное возмещение ущерба и компенсацию в соответствии со статьей 14 (пункт 1) Конвенции.

10. Комитет, действуя в соответствии со статьей 22 (пункт 7) Конвенции, заключает, что представленные на его рассмотрение факты представляют собой нарушения статьи 2 (пункт 1), рассматриваемой в совокупности со статьей 16 (пункт 1), и статей 4 (пункт 1), 11, 12, 14 (пункт 1) и 16 (пункт 1) Конвенции.

11. Комитет настоятельно призывает государство-участник: а) завершить расследование рассматриваемого деяния с целью привлечения к ответственности всех лиц, которые могут нести ответственность за жестокое обращение с заявительницей; б) предоставить заявительнице соответствующее возмещение, включая компенсацию имущественного и морального вреда, реабилитацию, удовлетворение и гарантии неповторения; в) принять меры для предотвращения повторения подобных действий в

⁴⁷ Комитет против пыток, замечание общего порядка № 3 (2012), п. 18.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, п. 7.

⁵⁰ Там же, п. 9.

⁵¹ Там же, п. 25. См. также *Зентвельд против Новой Зеландии* (CAT/C/68/D/852/2017), п. 9.9.

⁵² Комитет против пыток, замечание общего порядка № 3 (2012), п. 26.

будущем, в том числе путем строгого регулирования, в контексте Конвенции, использования физических средств усмирения в психиатрических и смежных учреждениях, путем ограничения использования физических средств усмирения во всех учреждениях и предотвращения использования незаконных или запрещенных форм средств усмирения⁵³; и d) обеспечить соответствующую подготовку персонала учреждений для социального обеспечения и психиатрических учреждений. В соответствии с правилом 118 (пункт 5) своих правил процедуры Комитет просит государство-участник сообщить ему в течение 90 дней с даты препровождения настоящего решения о мерах, принятых им в ответ на вышеизложенные выводы.

---

⁵³ CAT/C/DEU/CO/5, пп. 16 и 39; и CAT/C/DEU/CO/6, пп. 34–36. См. также CCPR/C/SVK/CO/4, п. 21.